
**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА МИРА В АЛЛЕГОРИЯХ
ФЕЛИКСА КРИВИНА**

© 2017 г. В. И. Карасик

Доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного
социально-педагогического университета,
Россия, 400066, г. Волгоград, проспект Ленина, д. 27
vkarasik@yandex.ru

**EVALUATIVE PICTURE OF THE WORLD IN ALLEGORIES
BY FELIX KRIVIN**

© 2017 Vladimir I. Karasik

Doctor of Philological Sciences, Professor at the Volgograd State Socio-Pedagogical University,
27 Pospect Lenina, Volgograd, 400066, Russia
vkarasik@yandex.ru

В статье рассматриваются аллегорические миниатюры Феликса Кривина (1928–2016). Определены основные характеристики этих текстов – ироническая назидательность, лапидарность и тесная связь с реалиями советской эпохи. Рассмотренные тексты дают возможность увидеть основные направления модификации нравоучений: парадоксальные выводы о характере людей на основе аналогий с любыми феноменами реальности – животными, растениями, обиходными предметами и научными понятиями, аллюзии к известным текстам и узнаваемому стилю жизни, игровое переосмысление грустного и весёлого в их неразрывном единстве, многомерность мировосприятия противоречивой реальности.

The article is devoted to allegoric miniatures by Felix Krivin (1928–2016), a talented master of ironical observations of human nature. His short fables and commentaries are marked with mild irony, lapidary precision and evident connection with the Soviet reality. The texts analyzed make it possible to appreciate the main trends of moralistic modifications – paradoxical conclusions of human character compared to any phenomenon of reality, including animals, plants, everyday objects and scientific notions, allusions to well-known texts and easily recognizable life style, ludic transformations of sadness and joy in their inseparable connection, multidimensionality of contradictory reality.

Ключевые слова: Феликс Кривин, аллегория, басня, назидательность, ирония.

Key words: Felix Krivin, allegory, fable, edification, irony.

Басня как иносказательный жанр художественной литературы занимает достойное место в истории и культуре разных народов [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10], но стала редкостью в наши дни. Это объясняется, по-видимому, неприязнью наших современников к прямой назидательности. По этой же причине сошли на нет нравоучительные пословицы и поговорки. Назидательность не исчезла, но стала выражаться иначе, большей частью через иронию, и приняла новые формы: если раньше на примерах из жизни животных или олицетворяемых предметов демонстрировались одобряющие и осуждаемые способы поведения,

и, следовательно, к миру и человеку предъявлялись определённые требования, то со временем под влиянием городских анекдотов на первый план выдвинулись нелепые персонажи, поступки которых столь абсурдны, что на их фоне действительность кажется сносной. Можно сказать, что изменился вектор назидательности: место морализатора занял ироничный комментатор.

Такая метаморфоза вызвала к жизни специфический жанр переходного периода. Признанным мастером этого жанра является Феликс Кривин, который точно назвал свои миниатюры полусказками [11]; [12]. По своему основному жанровому

канону эти тексты представляют собой басни, выраженные большей частью в прозе, но они отличаются от классических басен отсутствием финального морализаторского суждения, философским отношением к жизни и мягким юмором, иногда переходящим в иронию. Многие из таких нарративов по своей лапидарности сближаются с афоризмами.

Погремушка

— *Нужно быть проще, доходчивее, — наставляет Скрипку Погремушка. — Меня, например, всегда слушают с удовольствием. Даже дети и те понимают!*

Претенциозность как основная черта характера всегда вызывает критику. В приведенном тексте носитель этого качества конкретизируется в виде детской погремушки. Такие люди любят учить других, как следует себя вести. Контраст между погремушкой и скрипкой и составляет суть скрытого нравоучения. При этом используются штампы, которые часто фигурируют в присловьях, в частности: *Будь проще, и к тебе потянутся люди.*

Объектом критики автора являются вечные пороки человеческого поведения — зависть, хитрость, трусость и т.д. Особенность авторской манеры Ф. Кривина состоит в том, что в его сюжетах легко прочитывается атмосфера реальных житейских домашних и производственных конфликтов. Например:

Творческий метод

Среди цветов — спор о прекрасном.

Слово берет Колючка:

— *Я никак не могу согласиться с творческим методом Розы. Острота — это да! Проникновение до самых глубин — это я понимаю! Но представлять все в розовом свете...*

Перед нами производственное собрание некоторого коллектива творческих работников. Его тема — критический анализ произведений коллеги. Персонаж Колючка осуждает произведения своего товарища, но стремясь быть объективным, сначала говорит о достоинствах коллеги и называет при этом те свойства поведения, которые составляют суть колючки, т.е. рекламирует себя. В качестве недостатка названа одна из главных отличительных черт Розы — ее цвет.

Беспринципность иллюстрируется образом дверной ручки:

Сила убеждения

— *Помещение должно быть открыто, — глубокомысленно замечает Дверная Ручка, когда открывают дверь.*

— *Помещение должно быть закрыто, — философски заключает она, когда дверь закрывают.*

Убеждение Дверной Ручки зависит от того, кто на нее нажимает.

В советскую эпоху в нашей стране постоянным объектом критики был человек, легко меняющий свои взгляды в зависимости от складывающейся конъюнктуры. Такие герои насмешливо именовались флюгерами. В приведенном тексте осуждается подобное поведение, но в фокусе находится не только готовность радикально поменять свою позицию в зависимости от обстоятельств, но и умение дать этому серьезное обоснование, значимы наречия “глубокомысленно” и “философски”. В своих глазах такой человек непогрешим и правилен. Изменившиеся социальные обстоятельства привели многих наших современников к резкому упрощению мировосприятия, прагматизм и циничное безразличие к содержанию спора сделали для них бессмысленным поиск моральных и философских основ поведения.

В ряде случаев эгоизм граничит с откровенным злорадством:

Заноза

— *Нам, кажется, по пути, сказала Заноза, впинаясь в ногу. — Вот и хорошо: все-таки веселее в компании.*

Почувствовав боль, мальчик запрыгал на одной ноге, и Заноза заметила с удовольствием:

— *Ну вот, я же говорила, что в компании веселее!*

Обличение эгоизма в цитируемой миниатюре приобретает иронический смысл. Ключевым является слово “веселее”: для эгоиста значимы лишь собственные переживания, но для поддержания разговора на первый план выдвигается удовольствие от общения с собеседником.

Распространенным недостатком является стремление погреться в лучах чужой славы:

Достоинство

По величине Колибри чуть больше пчелы, но все-таки она — птица!

— *Наши орлы — хорошие ребята, — говорит Колибри.*

Так, между прочим, когда к слову приходится.

Маленькое существо становится выше в своих глазах, когда думает, что относится к тому же разряду, что и гиганты. Это свойство в какой-то мере прощительно, если такая позиция не вербализуется, но финальная характеристика поведения персонажа “когда к слову приходится”, свидетельствует о том, что Колибри не упускает

возможности подчеркнуть в общении с кем-либо свое родство с орлами и тем самым представить собеседника как нижестоящего.

Гипертрофированное мнение о своей значимости вызывает улыбку:

Хлястик

— *Замерзнет, небось, человек, — беспокоился Хлястик. — Руки, ноги, плечи поотмораживает. За поясицу-то я спокоен, здесь я лично присутствую. А как на других участках?*

Назначение хлястика в пальто — сугубо декоративное. Обратим внимание на канцеляризм советской эпохи: “лично присутствую” и “на других участках”. Эти выражения часто использовались мелкими администраторами. Но за таким поведением стояло требование проявлять внимание и заботу по отношению к простым людям: бездушные и безразличные считались серьезными недостатками у ответственных работников, и поэтому те порой педалировали свое служебное рвение.

Сверхосторожность, переходящая в трусость, вызывает осуждение:

Пустая формальность

Гладкий и круглый Биллиардный Шар отвечает на приглашение Лузы:

— *Ну что ж, я — с удовольствием! Только нужно сначала посоветоваться с Кием. Хоть это и пустая формальность, но все-таки...*

Затем он пулей влетает в Лузу и самодовольно замечает:

— *Ну вот, я же знал, что Кий возражать не станет...*

Персонаж этого повествования стремится согласовать со своим начальством свой каждый шаг. При этом он делает вид, что считает такое согласование пустой формальностью. Осуждается самодовольство мелкого начальника, который на самом деле очень боится потерять благосклонность со стороны своего руководителя.

Стремление всегда быть на виду — одно из вечных проявлений человеческой слабости:

Лоскут

— *Покрасьте меня, — просит Лоскут. — Я уже себе и палку подобрал для дрэвка. Остается только покраситься.*

— *В какой же тебя цвет — в зеленый, черный, оранжевый?*

— *Я плохо разбираюсь в цветах, — мнетя Лоскут. — Мне бы только стать знаменем.*

Осуждается тщеславие. Герою всё равно, чьим знаменем он станет, нужно только, чтобы о нем говорили и им восхищались. Найдено точное слово — “покраситься”. Подобное поведение свойственно многим современным публичным лицам и в психиатрии рассматривается как проявление истероидных склонностей.

Известно, что власть портит людей. Карьеристам свойственно маскировать свою суть на пути к достижению желанной должности:

Гипс

Он мягкий, теплый, податливый, он так и просится в руки тех, кто может устроить его судьбу. В это время он даже не брезгает черной работой — шпаклевкой.

Но вот он находит свою щель, пролезает в нее, устраивается прочно и удобно. И сразу в характере его появляются новые черты: холодность, сухость и упрямая твердость.

Двуличие карьериста проявляется в резком расхождении его поведения между движением к цели и проявлением своего подлинного лица после получения заветного места. Назидание в этой басне адресовано не карьеристам, а тем, кто по доброте душевной им помогает, не замечая приторной готовности услужить со стороны подобных людей.

Есть люди, которым свойственна театрализованная повышенная эмоциональность, за которой нет настоящего чувства:

Глина

Глина очень впечатлительна, и всякий, кто коснется ее, оставляет в ней глубокий след.

— *Ах, сапог! — киснет Глина. — Куда он ушел? Я не проживу без него!*

Но проживает. И уже через минуту:

— *Ах, копыто! Милое, доброе лошадиное копыто! Я навсегда сохраню в себе его образ...*

Понятно, что подобные типы по своей природе не могут хранить верность кому-либо. Их экзальтированное мировосприятие требует постоянной новизны, они живут в двух состояниях — восторге и трагедии, которые быстро сменяют друг друга. Слово “впечатлительность” в этом контексте проявляет свое исходное мотивирующее значение.

Глупость, как правило, бывает наказана:

Модницы

Мухи — ужасные модницы. Они останавливаются возле каждого куска приглянувшейся им узорчатой паутины, осматривают ее, ощупывают, спрашивают у добродушного толстяка Паука:

– *Почем миллиметр?*

И платят обычно очень дорого.

Недальновидность и неумение вовремя почувствовать опасность присущи людям, которые неизбежно попадают в беду. Обратим внимание на характеристику Паука – добродушный толстяк. Их немного жаль, но именно такие существа обречены быть добычей хищников.

Ограниченность свойственна многим людям, но в научной среде она особенно вредна:

Научный спор

Спросите у Половой Тряпки, кто самый умный и образованный у нас в передней. Она вам сразу ответит: Калоша и Босоножка.

Калоша и Босоножка отличаются тем, что как только оказываются рядом, тотчас заводят ученые споры.

– *Какой мокрый этот мир, – начинает Калоша. – Идешь, идешь – места сухого не встретишь.*

– *Да что вы! – возражает Босоножка. – В мире совершенно сухо.*

– *Да нет же, мокро!*

– *Именно сухо!*

Их споры обычно разрешает Комнатная Туфля:

– *Коллеги, оставьте бесполезные споры. Мир бывает и мокрым и сухим: мокрым – когда хозяйка моет пол, сухим – все остальное время.*

Порой участники академической дискуссии, имеющие представление только о своей узкой сфере исследований, начинают делать неуместные обобщения, и эти суждения не выдерживают критики.

Неспособность выйти за рамки своего опыта часто сочетается с критикой тех, кто придерживается иной точки зрения:

Мухи

– *Пол – это потолок, – размышляет Муха, ползая по потолку.*

– *Пол – это стена, – соображает она, переползая на стенку.*

А когда Муха доползает до пола, взгляды ее снова меняются:

– *Пожалуй, все-таки пол – это пол, а стены – это стены...*

Подобного мнения не могут разделить мухи, которые все еще ползают вверх ногами:

– *Вы слышите? Пол – это пол! Ах, бедняга, как она опустилась!*

Инерция мышления выражается в категоричности суждений. Отставшим свойственно критиковать тех, кто вырвался вперед.

Достойны сожаления те, кто не понимает своего предназначения в жизни:

Берег

– *Ты не боишься утонуть? – спросила у Волны Щепка.*

– *Утонуть? – встревожилась Волна. – Ты сказала – утонуть?*

И Волне впервые захотелось на берег.

Она прибежала как раз вовремя, чтобы захватить на берегу местечко получше, и осела на мягком песке, собираясь начать новую жизнь – без тревог и волнений.

И тут она почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног.

– *Тону! – вскрикнула Волна и ушла под землю.*

В этом диалоге Щепки и Волны сталкиваются два типа людей – искателей счастья как покоя или как воли. Обратим внимание на смысловое пересечение слов “волна” и “волнение”. Оказавшись на надёжном берегу, на мягком песке, где нет никаких тревог, Волна неизбежно потеряла себя.

С мягкой иронией показывает автор беззаветную любовь своих персонажей, которым постоянно нужны слушатели, к своим спутникам:

Раковина

Испорченный Кран считал себя первоклассным оратором. Круглые сутки он лил воду, и даже ведра, кастрюли и миски, которым, как известно, не привыкать, сказали в один голос: “Нет, с нас довольно!”

Но у Крана была Раковина – верная подруга его жизни. Она исправно поглощала все перлы его красноречия и прямо-таки захлебывалась от восхищения. Правда, удержать она ничего не могла и оставалась пустой, но ведь и это было следствием ее исправности.

Болтуну не нужны собеседники, он слушает только себя, но ему требуется восхищенное внимание, даже если его слушатель ничего не понимает из услышанного.

Некоторые персонажи Ф. Кривина требуют комментариев, поскольку они уже сошли с исторической сцены:

Петух-массовик

На штатную должность в курятник был назначен Петух-массовик.

Это был дельный, опытный Петух. В свое время он подвизался в качестве штатного поэта в популярной газете “Быка за рога”, потом возглавлял какую-то спортивную организацию, и вот теперь, в связи с развернувшейся кампанией за повышение вылупляемости цыплят, был брошен в курятник.

Петух собрал вокруг себя наседок и принялся разучивать с ними песню.

Куры, взявшись за крылышки, ходили по кругу и пели:

*Мы выполним, высидим долг до конца,
Яйцо — нашей жизни опора.*

*И если наседка уйдет от яйца —
Она не уйдет от позора!*

Культурно-массовая работа была в полном разгаре.

Правда, куры с трудом выкраивали минутку, чтобы посидеть на яйце; правда и то, что цыплят с каждым днем вылуплялось все меньше.

Но это был единственный недостаток успешной борьбы за повышение вылупляемости.

Эта миниатюра перекликается с фельетонами советской эпохи, в которых бичевалась кампанейщина — отсутствие плановости, системности, регулярности в общественной и производственной работе (БАС). Руководство страны, области или района ставило перед работниками ту или иную задачу, но вместо ее выполнения на местах разворачивалась шумная пропагандистская кампания, вывешивались лозунги, проводились совещания, в целом имела место имитация бурной деятельности, и в итоге приходилось констатировать срыв намеченного плана. Автор находит яркий образ для иллюстрации такого положения дел: *вылупляемость*. Этот неологизм перекликается с подобными реально существовавшими канцеляризмами (например, *доходимость* учащихся в школе с первого по выпускной класс). Узнаваемым для тех лет является и типаж ответственного работника, который был своеобразным универсальным солдатом (штатный поэт в многотиражке, руководитель спортивной организации и массовик в курятнике). Таких работников не просто назначали, их бросали на самые горячие участки работы. И они нередко такую работу заваливали. Показателен абсурдный текст песни, которую пели куры. Словосочетание “*высидим долг до конца*” напоминает о призыве к самоотверженной деятельности во имя высокой цели.

Некоторые басни Ф. Кривина имеют стихотворную форму.

Автор критически высвечивает тех, кто отличается прямолинейностью:

Линейка

Линейка говорит перу: “Ты, братец, не хитри!

Уж если хочешь что сказать, то прямо говори,

*По строчкам нечего петлять, значки-крючки
вычерчивать,*

*Чтоб только зря интриговать читателей
доверчивых.*

Нет, если хочется тебе, перо, иметь успех, —

Прямую линию веди, понятную для всех”.

Призывы к прямолинейности характерны для тех, кто не может выразить более тонкие мысли. Выражение “*линия, понятная для всех*” — это признание в своей примитивности. Линейка стремится весь мир превратить в прямые линии.

Интересна параллель с классикой:

Счастье

*Покрытая снегом, озябшая елка
Прильнула к окну, подобравши иголки,
И жадно глядела на елку в огнях,
Мечтая о собственных радостных днях.
А елка домашняя, в ярком уборе,
Вздыхала о ветре, о снежном просторе,
О том, что она променяла вчера
На пеструю роскошь и блеск серебра.*

Это стихотворение выходит за рамки басенного жанра и перекликается с шедевром Г. Гейне “*Ein Fichtenbaum steht einsam*” (“На севере диком стоит одиноко...” в переводе М. Ю. Лермонтова). Ритм лермонтовского перевода этого стихотворения в первой строке (четырехстопный амфибрахий) полностью повторяется в миниатюре Ф. Кривина. Но далее мотивы расходятся: одинокая сосна мечтает о пальме (в оригинале *der Fichtenbaum* мужского рода и *die Palme* — женского), а ель за окном и новогодняя украшенная ёлка в комнате завидуют друг другу.

Вечная проблема педагогики — соотношение факторов среды и наследственности — остроумно обыгрывается в следующем тексте:

Подложили наседке змеиные яйца.

Удивляйся, наседка, горюй, сокрушайся!

Ну и дети пошли! Настоящие змеи!

Может быть, мы воспитывать их не умеем?

А змею посадили на яйца наседки.

У змеи получились примерные детки.

Потому что змея относилась к ним строго.

До чего же ответственна роль педагога!

Перед нами узнаваемые персонажи — наседка, которая по-доброму пытается воспитать

змеёнышей, терпит неизбежное поражение и винит в этом себя, и змея, которая шипит, жалит и всегда добивается успеха, тем более, когда имеет дело с беззащитными цыплятами. Финальная реплика откровенно саркастична.

Простая аллегория талантливо развёрнута в следующей басне:

*Гвоздь работает, старается —
И его все время бьют.
А шурупам все прощается,
Хоть у них полегче труд.
И не те у них усилия,
И не та у них судьба...
Дело ж все в одной извилине —
Под названием резьба.*

Конечно, можно пожалеть тех, у кого нет нужной для жизни извилины. Аллегии Феликса Кривина большей частью являются грустными и в то же время насмешливыми констатациями принципов мироустройства.

Размышления автора о жизни затрагивают самые острые и болезненные вопросы отношений между людьми:

*Подстрелили беднягу орла,
И сказал он в последних мученьях:
“Нет, не ядом смертельна стрела,
А орлиным своим опереньем”.
И поникнул орел, и затих,
И сложил свои крылья большие.
И куда улетать от своих?
Как понять, где свои, где чужие?*

В этой миниатюре сформулировано очень верное наблюдение — самые болезненные раны мы получаем от своих, которые оказались чужими. Вовремя увидеть, кто свой, а кто чужой, бывает непросто.

Открытия Ф. Кривина неожиданны и парадоксальны:

*Спросили осла для решения спора:
Как любит ходить он: с горы или в гору?
В какую бы пору охотней он шел?
“Я лучше бы ездил, — ответил осел. —
Запряг бы осла да шарахнул дубиной,
Иначе не сладишь с упрямой скотиной.
С ослими ленивыми — просто беда!”
Прекрасная вещь — верховая езда!*

Как видим, герой этой аллегии вполне адекватно оценивает свою ослиную природу. Но практика жизни такова, что понимая минусы своего поведения, ослы, как правило, остаются упрямыми и ленивыми созданиями (их реальные

прототипы на самом деле — верные и терпеливые животные).

Миниатюры Ф. Кривина выполнены в разных жанрах. Заслуживают внимания иронические реплики.

Индивидуальность

*...но — ох, и до чего же трудно быть изюминкой!
Особенно в ящике с изюмом.*

Действительно, очень трудно проявить свою неповторимую индивидуальность в ситуации, когда все вокруг такие же, как ты. Ящик с изюмом становится символом коллективной жизни.

Проблемы

...тут важно: кто ездит, куда ездит, зачем ездит...

— И на ком ездит, — вставил верблюд.

Легко абстрактно рассуждать на темы, которые нас не затрагивают, и совсем иначе выглядит ситуация для тех, кто несёт в ней те или иные издержки.

Автор находит убедительные метафоры для объяснения закономерностей в нашей судьбе:

Родословная пресмыкающихся

...и так, пресмыкаясь, огромные ящеры превратились постепенно в маленьких ящериц.

Излюбленный приём Ф. Кривина — столкновение прямого и переносного смысла слова. Пресмыкаться — значит передвигаться ползком по земле, в переносном смысле — раболепно преклоняться, унижаться, угождать перед кем-либо. Самоунижение неизбежно ведёт к измелчанию личности.

Запоминаются афоризмы Ф. Кривина.

Предсказание погоды

Там, где каждый считает, что лично он не делает погоды, погода бывает самая отвратительная.

Многие говорили об ответственности как основе моральных норм, но с такой изящной лёгкостью эту идею смог выразить только цитируемый мыслитель.

Автор призывает нас понимать Другого:

Условия жизни

Для бабочки, живущей один день, совсем не безразлично, какая нынче погода.

Неумение и нежелание посмотреть на мир глазами другого человека — распространенное свойство людей.

Отсутствие недостатков может быть следствием отсутствия достоинств:

Плюсы и минусы

“Этого у него не отнимешь. И этого у него не отнимешь. И этого тоже у него не отнимешь”, — говорят о нуле.

Основное качество миниатюр цитируемого автора — целостность мировосприятия. Писатель справедливо полагает, что отношения между людьми отражаются во всем многообразии нашей действительности.

Резюмирую.

Назидательность как основа аллегорий в наши дни претерпевает существенные изменения. Иронические миниатюры Феликса Кривина дают возможность увидеть основные направления такой модификации нравов: парадоксальные выводы о характере людей на основе аналогий с любимыми феноменами реальности — животными, растениями, обиходными предметами и научными понятиями, аллюзии к известным текстам и узнаваемому стилю жизни, игровое переосмысление грустного и весёлого в их неразрывном единстве, многомерность мировосприятия противоречивой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Рудов М.А. Пути развития жанра басни в советской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1964. [Rudov, M.A. *Puti razvitiya zhanra basni v sovetskoj literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ways of Genre “Fable” Development in the Soviet Literature: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Alma-Ata, 1964.]
2. Лиоренцевич Т.В. Басни Лафонтена и общественная мысль во Франции второй половины XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. [Liorencevich, T.V. *Basni Lafontena i obshchestvennaya mysl' vo Francii vtoroj poloviny XVII veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Fables by La Fontaine and the Social Moral in France of the Second Half of the 17th Century: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Leningrad, 1973.]
3. Анненкова Н.М. Лингвостилистическая характеристика прозаической басни: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. [Annenkova, N.M. *Lingvostilisticheskaya karakteristika prozaicheskoj basni: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguostylistic Characteristics of Prosaic Fables: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Moscow, 1977.]
4. Холматов Ш.К. История и поэтика жанра басни в литературах народов Средней Азии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1991. [Holmatov, Sh.K. *Istoriya i poetika zhanra basni v literaturah narodov Srednej Azii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [History and Poetics of the Genre “Fable” in the Literature of Middle Asia Nations: Doct. Sci. Diss. Abstract]. Tashkent, 1991.]
5. Полуянова Л.Н. Лингвостилистические особенности текста басни: На материале англоязычной литературной басни: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. [Poluyanova, L.N. *Lingvostilisticheskie osobennosti teksta basni: Na materiale angloyazychnoj literaturnoj basni: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguostylistic Peculiarities of Fable Text: On the Material of English Literary Fables: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Moscow, 2001.]
6. Тихомирова В.А. Национально-специфическая характеристика интерпретаций традиционных басенных сюжетов (на материале русского, французского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. [Tihomirova, V.A. *Nacional'no-specificheskaya karakteristika interpretacij tradicionnyh basennyh syuzhetov (na materiale russkogo, francuzskogo i anglijskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ethnic Peculiarities Characteristics of Traditional Fable Plots Interpretation (On the Material of Russian, French, and English: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Yaroslavl', 2007.]
7. Крицкая Н.В. Басни И.А. Крылова в англоязычных переводах: восприятие и интерпретация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 27 с. [Krickaya, N.V. *Basni I.A. Krylova v angloyazychnyh perevodah: vospriyatie i interpretaciya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Fables by I.A. Krylov in English Translations: Perception and Interpretation: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Tomsk, 2009.]
8. Битарова М.М. Становление и развитие жанра басни в осетинской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2010. [Bitarova, M.M. *Stanovlenie i razvitie zhanra basni v osetinskoj literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and Development of the Genre “Fable” in the Ossetian Literature: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Vladikavkaz, 2010.]
9. Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни: диахронический аспект исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Mikova S.S. *Yazykovye sredstva peredachi kul'turnoj informacii v tekste russkoj basni: diahronicheskij aspekt issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Means of Cultural Information Transmission in the Text of Russian Fables: a Diachronic Aspect of Study: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Moscow, 2011.]
10. Самирханова Г.Х. Поэтика башкирских басен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. [Samirhanova G.H. *Poetika bashkirskih basen: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Bashkir Fables Poetics: Cand. Sci. Diss. Abstract]. Ufa, 2011.]
11. Кривин Ф.Д. Полусказки. Ужгород, 1964. [Krivin F.D. *Poluskazki* [Half-Tales]. Uzhgorod, 1964.]
12. Кривин Ф.Д. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 18. М., 2001. [Krivin F.D. *Antologiya satiry i yumora Rossii XX veka. Tom 18.* [Humour and Satire of the 20th Century: an Anthology. Vol. 18]. Moscow, 2001.]